

Е. А. Галинская

О нетривиальных способах экономии грамматических средств в славянском языковом прошлом

В древнем и современном славянском языковом мире можно найти примеры экономии грамматических средств, связанные с опущением повторяющегося грамматического показателя. Конечно, есть случаи, являющиеся реализацией вполне тривиальной языковой универсалии: повторяющийся вспомогательный элемент эллиптируется при сочинении аналитических форм. Так, в древнерусском языке при однородных сказуемых, выраженных формой сослагательного наклонения, часто употреблялся только один вспомогательный глагол, стоящий в форме аориста. Ср. примеры из Повести временных лет (далее — ПВЛ) по Лаврентьевскому списку:

нѣ^с оу насъ оучителя . иже бы ны наказаль и поучаль насъ и протолковаль стѣны книги (л. 9, запись под 898 г.);

да аще быхо^м имѣли потщанье и мольбы приносили Бѹ за нь в днь преставленья юго . и видѣ бы Бѣ тщанье наше к нему . прославиль бы и (л. 45, запись под 1045 г.);

на сѧ сѧ^м боуль аще быша и мене яли и створили такоже (л. 90, запись под 1097 г.).

Стоит заметить, что во всем тексте ПВЛ по Лаврентьевскому списку обнаружился лишь один случай, где вспомогательный элемент при однородных сказуемых повторяется, но это, видимо, связано с повтором союза: *се слышу ѡже иде^т Володимерь . и Стѡполкъ на Дѣда . да же бы мене Дѣдъ послушаль . да бы послаль мужь свои к Володимеру воротиться* (л. 89, запись под 1097 г.). Примечательно, что в некоторых из контекстов, где в Лаврентьевском списке вспомогательный глагол не дублируется, в более поздних Радзивилловском и Академическом списках он присутствует, хотя это уже не аорист, а застывшее образование: *аще бы мя яли и сотворили бы такоже* в соответствии с приведенным выше контекстом: *аще быша и мене яли и створили такоже*. Вообще, если грамматический показатель аналитических форм — по происхождению глагол, осознающийся носителями языка как отдельная сущность, то отсутствие дублирования вспомогательного элемента при сочинении совершенно нормально. Ср. рус. *Я буду бегать и прыгать*; англ. *He will eat and drink* ‘он будет есть и пить’; нем. *Ich werde lesen und schreiben* ‘я буду читать и

писать'; франц. *Je vais prendre le train de trois heures et venir à cinq heures* 'я собираюсь поехать на трехчасовом поезде и приехать в пять часов'; сербск. *Она ће плесати и певати* 'она будет танцевать и петь'.

Менее тривиальный способ экономии грамматических средств мы находим в современном сербском языке. Помимо образования будущего I путем соединения энклитической формы глагола *хтети* с инфинитивом (см. пример выше), используются слитные формы: вспомогательный глагол следует за инфинитивом, у которого редуцируется суффикс *-ти*: *писаћу* 'буду писать', *писаћешу* 'будешь писать', *писаће* 'будет писать', *писаћемо* 'будем писать', *писаћете* 'будете писать', *писаће* 'будут писать' (см. Гудков 1969: 58–59). Если две формы слитного будущего времени используются как однородные члены, каждая из них может иметь показатель будущего времени, например: *Шта ће бити онда? Грабуће се за њу и узехе вам је испред носа* 'Что тогда будет? За нее ухватятся и уведут ее у вас из-под носа' (Б. Нушич, «Автобиография»). Но распространен и другой способ употребления однородных членов: показатель будущего времени *ће, ћеш, ...* образует слитную форму с первым глаголом, а последующий стоит в форме инфинитива, и тем самым ликвидируется избыточность грамматической информации. Ср.: *Будеш ли био кадар научити то склањање, јавићеш ми се и исправићу ти белешку а даљу казну опростити* 'Когда ты выучишь это склонение, скажешь мне, и я исправлю тебе оценку, а наказание отменю' (Б. Нушич, «Автобиография»). Такой способ экономии грамматических средств в будущем времени не является универсальным для славянских языков: в украинском литературном языке, где имеется аналогичным образом устроенная слитная форма будущего времени: *писатиму, писатимеш, писатиме, писатимемо, писатимете, писатимуть*, при употреблении однородных сказуемых показатель будущего времени не утрачивается. Ср.: *Як живий буду, землю оратиму, рибаљством житиму* 'Если останусь жив, буду пахать землю, жить рыболовством' (М. Коцюбинский, «Дорогой ценой»).

В сербском языке еще в одном случае допустимо устранение грамматического показателя при глаголе-сказуемом, если он уже употреблен при предшествующем однородном члене. Имеется в виду использование двух и более возвратных глаголов с одной клитикой *се*, которая не привязана к глаголу, а располагается в предложении по закону Вакернагеля в конце первой тактовой группы (о законе Вакернагеля см. [Зализняк 2008: 24–27]). Значит, и здесь грамматическая информация тоже может не дублироваться. Ср.:

Сушила се и топила нагло. А друге године смрт је дошла као избављење. 'Она стала стремительно высыхать и таять. А на следую-

щий год смерть пришла как избавление' (И. Андрич, «Проклятый двор»), где употреблен глагол *topiti se* 'таять' без *se*.

...и сви **се повукли** у кућу и **прикрили** 'и все удалились в дом и спрятались' (Б. Нушич, «Автобиография»).

Допустимо даже употребление глаголов в разных личных формах с одним *se*: *Свако вече закључавају се врата и гаси светло пред спавање*. 'Каждый вечер закрываются двери и гасится свет перед сном' («Политика», 17 дек. 2013 г.: 7).

Возможно, еще с одним случаем отсутствия дублирования грамматического показателя при употреблении однородных членов мы сталкиваемся в языке, отраженном в старославянских памятниках, и тут он весьма нетривиален. Здесь, видимо, реликтовое отражена праславянская ситуация, сложившаяся у членных форм прилагательных. Можно думать, что, когда они образовывались с помощью местоимения **ъ* от именных форм, элемент **ъ* ощущался как самостоятельная единица, так как он привносил некое значение в словосочетание или предложение с прилагательным — либо определенности (см. обзор точек зрения по этому поводу в [Толстой 1957: 43–45]), либо усилительно-идентифицирующее (см. Кукушкина 1993: 49). В ряде падежных форм, в том числе в прямых падежах, во флексиях членных прилагательных отчетливо выделялась форма местоимения **ъ*, и формальная членимость, а возможно, и смысловая функция, которую несло местоимение, должно быть, в конце праславянского периода еще ощущались говорящими. Если рядом оказывались два прилагательных, которые выступали в предложении как однородные члены, у второго прилагательного грамматический показатель, образовавшийся из местоимения **ъ*, мог не дублироваться. Реликты этой ситуации отражены в старославянских памятниках, где в таких случаях бывает, что в членной форме стоит только первое прилагательное:

сѣвѣраша вса ѡже оверѣтѣ зѣлыѣа же и добрыѣ 'И они собрали всех, которых нашли: злых и добрых' (Мариинск. ев., Мф. 22–10). Так же в Зографском ев.: **зѣлыѣа же и добрыѣ**. В Ассеманиевом ев., однако, вторая форма — местоименная: **зѣлыѣа и добрыѣа**.

і тѣ рече къ нима ѡ несъмѣслѣнаа и мѣдѣнаа сѣдѣмъ 'И он сказал им: «О несмысленные и медлительные сердцем»' (Мариинск. ев., Лк. 24–25). В Зографском ев. **несъмѣслѣнаа и мѣдѣнаа**; в Ассеманиевом ев. **неразоумѣнаѣ и моудѣнаа**.

Есть пример, когда однородных субстантивированных прилагательных три и только первое стоит в членной форме:

нѣ егда твориши пирѣ зови нишѣгѣа маломошти хромѣ слѣпѣ 'Но когда устраиваешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых' (Мариинск, Зографск. ев., Лк., 14–13).

В последнем из описанных случаев экономии грамматических средств не повторяется часть слова — элемент составного окончания, поэтому можно предположить существование еще одного необычного типа устранения дублетного грамматического показателя, являющего собой часть слова, а именно морфему, — на этот раз в древнерусском языке. Однако, чтобы продемонстрировать этот тип, необходимо начать несколько издалека.

В грамматических описаниях древнерусского языка среди временных форм, как известно, обычно фигурирует так называемое «будущее сложное I» (*начати, хотѣти, имѣти* в презенсе + инфинитив), которое, однако, не было истинным будущим временем, поскольку спрягаемые глаголы не теряли своего лексического значения, так что в языке, скорее всего, были представлены синтаксически свободные словосочетания, лишь контекстуально приобретающие значение будущего времени (Историческая грамматика русского языка: 33). Впрочем, полноценный способ нейтрального обозначения действия, которое состоится после момента речи, в древнерусском языке имелся — для этого служили глаголы совершенного вида, как правило, приставочные перфективы:

яко же и Сомонъ (NB: с опиской вместо *Соломонъ*) *рче азъ ва-шей погибели **посмѣю*** (ПВЛ по Ипатьевскому сп., л. 51об., запись под 1015 г.);

*и молваше тако Андрѣви и горожаномъ то есть градъ мой оже **са** не **отворите** . ни **выидете** с поклономъ то **оузрите** . за-вѣтра **приступлю** къ граду и **възму** городъ* (Киев. лет. по Ипатьевскому сп., л. 107, запись под 1123 г.).

Считается, что будущее время могли свободно выражать и бесприставочные глаголы, не охарактеризованные по виду, так как значение формы презенса (настоящее или будущее время) у них определялось контекстом (Историческая грамматика русского языка: 192). Ср.:

*аже застанеш мене ти а тѣбе **везу*** ‘если застанешь меня, то я тебя **повезу**’ (Тверск. берест. гр. № 2, посл. 20-летие XIII в.);

*а хоцеши сея волости . а оубивъ мене а тобѣ волость . а живъ не **идоу** изъ своеи волости* ‘а если хочешь <получить> это владение, получишь его, убив меня, но пока я жив, я не **уйду** из своего владения’ (Киев. лет. по Ипат. сп., л. 113, запись под 1140 г.);

*Влчеславъ же посла моужи | свои къ Изяславоу река емоу . аче ти ма оубити **сѣну** на семъ мѣстѣ . а оубиши а **ѣдоу*** ‘Вячеслав послал своих мужей к Изяславу, говоря ему: если так будет, что ты убьешь меня в этом месте, убей, а я не **поеду**’ (Киев. лет. по Ипат. сп., л. 144–144 об., запись под 1150 г.);

*не имамъ с вами ити на путь . занеже суть людье жестокою выею . но анѣль мои **идеть** с вами 'я не пойду с вами в путь, потому что народ <твой> непокорен, но мой ангел **пойдет** с вами'* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 101 об., запись под 1111 г.).

Но таких случаев, в отличие от употребления в значении будущего времени приставочных перфективов, в древних текстах совсем немного. Представляется, однако, что количество подобных примеров на самом деле еще меньше, чем кажется на первый взгляд. Обращает на себя внимание то, что в ряде случаев не охарактеризованный по виду бесприставочный глагол передает действие, которое произойдет после момента речи, тогда, когда он стоит после приставочного перфектива и является однородным сказуемым к нему:

*аще ли кому не люба грамотица си а не **поохрѣтаются** на тако се **рекутъ** на далечи пути да на сане^х сеѣд безлѣпницю си молвить* (Поуч. Вл. Мономаха, Лавр. лет., л. 78а);

*егда повелиши то **вспоють** и члѣвки **веселать** тебе* (Там же, л. 79об.);

*и **возму** землю Лядскую и **мьщю** Русьскую землю* (ПВЛ по Лавр. сп., л. 89 об., запись под 1097 г.);

*Слѣзь^{же} прии^м в оумѣ си рѣ^ч . николиже **всаду** на нь . ни **вижю** е^г боле то^г* (Там же, л. 19 Р, запись под 912 г.);

*и приѣхавъ Половчинъ оударитъ и стрѣлою а лошадь его **поиметь** а в село его ѣхавъ **иметь** жену его* (Там же, л. 93 об., запись под 1103 г. — примечательно, что в Радзивилловском и Академическом списках в этом месте стоит *въехавъ возьме^т*);

*любо с нимъ миръ **створимъ** любо сѣ с нимъ **бьемъ*** (Киев. лет. по Ипат. сп., л. 126, запись под. 1147 г.);

*а любо соромъ **сложю** и земли своеи **мьщю** любо чѣсть свою налѣзу пакы ли а голову свою сложю* (Там же, л. 137, запись под 1149 г.);

*но вже буду живъ . то любо свою голову **сложю** . любо себе **мьщю*** (Там же, л. 166, запись под 1152 г.).

Можно считать, что перед нами не чистый случай употребления бесприставочного глагола в значении будущего времени, а утрата приставки приставочным глаголом совершенного вида, т. е. во втором глаголе просто не выражена перфективация, так как происходит экономия грамматических средств: префективирующая приставка первого глагола оказывается достаточной для выражения того, что все упоминаемые действия состоятся после момента речи, и у второго глагола та же или синонимичная ей приставка не повторяется. Показателен в этой связи следующий пример: *аще ли **оударитъ** мечемъ . или **бьетъ** кацѣмъ любо съсудомъ . за то оударение или оубьение да вдасть литръ . ѿ . сребра* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 13об.,

запись под 912 г.). По существительному *убиение* видно, что имелся в виду именно глагол *убити*, но приставка у него опущена, видимо, потому, что она уже употреблена в глаголе *ударити*.

В древнерусском языке можно найти случаи экономии грамматических средств несколько иного типа, чем все описанные выше. Мы наблюдаем их при образовании сослагательного наклонения от глагола *быти*. Обычно оно образуется нормально, то есть глагол *быти* употреблен два раза — в форме аориста и в форме причастия на -л. Ср.: *аще бы се не добро было . не бы сего князь и бояри принали* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 44, запись под 988 г.) (судя по показаниям некнижных древнерусских текстов, формы аориста в составе сослагательного наклонения были живыми еще по крайней мере в XIII веке, то есть они в этой функции удерживались намного дольше, чем в самостоятельном употреблении).

Бывает, однако, что одна из форм глагола *быти* не используется, так как, видимо, из двух близких по звучанию форм вторая, не несущая никакого значения, кроме значения бытийности, может легко опускаться:

— *аще лихъ бы законъ Гръчкыи . то не бы баба твоа . Сѡлга принала кр^счениа* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 41 об., запись под 987 г. (пропущено *быль*). То же в Лаврентьевском списке: *аще бы лихъ законъ Гречьскыи . то не бы баба твоа принала Сѡлга*, л. 37 об.

— *он же глше к нимъ аще бысте члѣци то въ дне бы есте пришли . а вы есте тма и во тмѣ ходите . и тма вы ятъ* (ПВЛ по Лавр. сп., л. 66, запись под 1074 г.) (пропущено *были*, которое, впрочем, есть в Радзивилловском и Академическом списках).

— *аще бы Бѣ любилъ васъ . то не бысте расточени по чюжимъ земламъ* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 33 об., запись под 986 г.) (пропущено *были*). То же в Лаврентьевском списке: *аще бы Бѣ любилъ васъ и законъ вашъ . то не бысте росточе[ни] по чюжимъ земл^амъ* (л. 28), тогда как в Радзивилловском и Академическом списках тоже имеется пропуск формы *были*, но при другом варианте вспомогательного глагола (здесь употреблено так называемое сослагательное наклонение II [Зализняк 2004: 143]): *не бы есте расточени*.

— *аще бо бы перевозникъ Кии . то не бы ходилъ Црюгороду* (ПВЛ по Лавр. сп., л. 4) (в Троицком списке — *бы былъ*).

Интересно, что в Ипатьевском списке летописи в том же самом фрагменте от *бы былъ* остается только *быль*: *аще бо былъ перевозникъ Кии . то не бы ходилъ къ Црюгра^а л. 5*.

— *а за тотъ миръ страдалъ Роулфъ . из Кашла и Тоумашъ Михалевичъ . а бы добросердые межю ихъ было . а бы роуьскымъ купцомъ в Ризѣ и на Готьскомъ березѣ . а немецкымъ коупцомъ в*

Смоленской волости . любо было како мирь оутвържонъ и добро-сердье . а бы в вѣкы стояло . и князю любо **бы** и всѣмъ смольнномъ и рижаномъ . и всемъ немцомъ по Вѣсточному морю ходящимъ (пропущено *было*) (Смоленская гр., список D, 1270–1277 гг.; та же конструкция в списке E перв. пол XIII в. и списке F, копии сер. XIV в.).

В дальнейшем аорист в составе сослагательного наклонения потерял спряжение и застыл в виде *бы*, став служебным элементом и перестав тем самым являть собой форму глагола *быти*, так что сочетания *бы былъ*, *бы были* уже не имели повторяющихся слов и не упрощались до *бы*.

Что же касается отсутствия дублирования перфективирующей приставки при обозначении действия, отнесенного к будущему, то это экономное средство, которое, впрочем, было, как и другие, факультативным в древнерусском языке, в дальнейшем полностью утратилось, видимо, в связи с окончательным оформлением видо-временной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудков 1969 — В. П. Гудков. Сербохорватский язык. М., 1969.
Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.
Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
Историческая грамматика русского языка — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
Кукушкина 1993 — О. В. Кукушкина. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 47–65.
Толстой 1957 — Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 43–122.

E. A. Galinskaya

On nontrivial means of grammatical economy in the history of the Slavic languages

Apart from universal ellipsis of a repeated element in analytical forms, the Slavic languages make use of nonstandard means of grammatical economy in verbal constructions. The author applies the data of the Old Church Slavic, Old Russian, Serbian and Ukrainian languages.

Keywords: verb, grammatical feature, doublet, ellipsis, linguistic economy.